

Лола Магнум

Не музыкальный читель

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лола Магнум

Не музыкальный учитель

«Автор»

2026

Магнум Л.

Не музыкальный учитель / Л. Магнум — «Автор», 2026

Она — лауреат конкурсов, папина гордость и бабушкина надежда. Скрипка, дипломы, серый сарафан из маминого детства и дипломат вместо сумочки. Он — правнук Скрипичного Ключа, байкер с наглой улыбкой и джинсами, которые трещат по швам от одного только взгляда. Они встретились в пустом классе музыкального училища. Она думала, что стояк — это труба в батарее. Он думал, что девственницы вымерли вместе с мамонтами. Оба ошибались. То, что началось как неловкий урок анатомии с элементами стриптиза, закончилось побегом с поезда, папиными деньгами из трюмо и первой ночью на пианино.***В этой повести есть: Эротика без пошлости (почти) Ирония без цинизма (в основном) Скрипичный ключ, который точно перевернулся в гробу И девочка, которая наконец поняла: музыка — это волшебство. Но не только оно. 18+ Потому что Брамса таким темпом ещё никто не исполнял.

© Магнум Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Лола Магнум

Не музыкальный учитель

Хорошая и правильная девочка Маша ничего в своей жизни, кроме нот, не видела. Семья строгого режима не оставила ей шансов, и в свои девятнадцать лет она пугающе невежественна в некоторых, хм, так скажем, вопросах...

Но туго закрученная пружина в какой-то момент может рвануть, снося всё на своём пути...

Глава 1

Маша сидела в зале музыкального училища и в который раз играла «К Элизе», оттачивая свою игру к конкурсу. Тошнит уже от фортепиано этой, достали все!

Но мама с папой грезили и мечтали о дочери-великой пианистке, и вот уже тринадцать лет из своих девятнадцати она исправно учила сольфеджио, ноты, арпеджио и гаммы... тошнит уже...

Девчонки-одноклассницы, которые поталантливее, уже успели замуж повыскакивать, детей родить, развестись, а она ничего, кроме нот в своей жизни не видела.

Дома всегда надо было быть в девять вечера, в школу и со школы с ней ходила бабушка, а в музыкальную школу и обратно домой возила мама.

Регулярно, с мамой или бабушкой ходила в цирк, на балет, в зоопарк, в театр и на концерты классической музыки.

— Машенька, — любила повторять мама, — ты должна быть образованной девушкой. Мужчины это ценят. А музыка — это волшебство, приносящее в жизнь радость и яркие краски.

Пока музыка в жизнь Маши не привнесла ничего такого радостного и волшебного, наоборот — забирала всю её жизнь.

Маша даже в пионерском лагере ни разу не была, что уж говорить про дискотеки, ночёвки у подруг и прочие развлечения.

Жениха ей родители уже нашли — ещё в седьмом классе: Виталик. Прыщавый и очкастый баянист, призёр и лауреат чего-то там. Сын их друзей.

Ему был уже двадцать один год, и он под страшной клятвой «неразглашения» поведал ей, что у него был секс. За деньги, которые он скопил, экономя на той части зарплаты, что отдавал родителям.

Его папа и мама мотивировали это тем, что когда Виталик и Машенька поженятся — им нужны будут деньги, — вот они и копят, так как имеют в этом больше опыта.

Виталик работал учителем музыки в школе и подрабатывал репетитором игры на баяне. Так что его родители нехило так «копили».

А Виталик так и заявил:

— Маш, ну я же мужчина — я должен уметь доставить женщине удовольствие. Мы поженимся — у нас же секс будет, — вещал он, с серьёзным видом поправляя очки. — Я мужчина — мне можно и нужно иметь секс до свадьбы. А ты девушка — ты должна блюсти честь до свадьбы. Подожди, через год поженимся, и у нас всё будет.

И лез слюнявыми губами целоваться. Маша и не против была бы хоть целоваться, но... При первом поцелуе Виталик, вытянув губы уточкой, прилип к её рту и просто зажевал его, как принтер бумагу, при этом обслюнявив половину её лица.

После она уже сама ссылалась на «девичью честь» и шарахалась от его потуг к поцелуям, как чёрт от ладана.

Ей тогда было восемнадцать, и Виталик, как он сам сказал, решил сделать ей на совершеннолетие подарок: взрослый поцелуй.

— В следующий раз покажу французский поцелуй, с языком, — довольный собой слазил он с неё, поправляя её юбочку.

Маша не поняла, как он её завалил на кровать и схватил за бедро потной ладошкой, а потом впился ногтями в её нежную кожу. Машин возмущённый визг был заглушен слюнявыми губами Виталика.

Поёрзав на ней и пожевав пухлые губы, которые она сжала с силой в пару атмосфер, он с обидой слез с неё.

— Маша, ты должна быть более раскована. И ты должна доверять мне: я мужчина и знаю, что делаю, — нудел он, протирая линзы очков платком, который он достал из кармана брюк. — А ты вон, даже в юбку вцепилась! — кивнул он на ее руки, сжимающие подол юбки.

— А я тебя не просила меня целовать и лезть под юбку! — шипела она, вытирая рот о подушку. — И вообще, мне кажется, ты и сам ничего не умеешь! Я ничего не почувствовала, кроме твоих слюней. И ты меня ущипнул! Вот, смотри, — задрала юбку до середины бедра, где наливался синяк от щипка.

— Ну знаешь! — жених всплеснул руками. — В пылу эмоций и страсти и не такое бывает, могла бы и потерпеть!

— Не хочу терпеть! Хочу получать удовольствие! Есть продажные мужчины? Я тоже себе куплю и тоже вступлю в брак опытной! — брякнула в пылу ссоры, не подумав.

А зря.

Лицо Виталика вытянулось и офигело.

— Мария! Ты ведёшь себя неподобающе и...и... распутно! Я поговорю с твоими родителями.

— Тогда больше не подходи ко мне! Ни до, ни после свадьбы! — выкрикнула шёпотом, вскакивая. — Тоже мне, мачо-блюстителю-нравственности! И вообще — расскажу, что ты под трусы ко мне лез!

Угроза возымела действие, так как он испуганно оглянулся на закрытую в Машину комнату дверь.

— Машенька, ну что ты, — залебезил, — это ты просто от неопытности, — тараторил он, присаживаясь рядом с ней на краешек кровати и обнимая за талию.

Маша автоматически сцепила зубы, сжала губы и вцепилась в юбку.

"Не дамся!" — мелькнуло у неё в мозгу, пока баянист снова заваливал ее на кровать.

Упав на неё всем своим весом, он выбил весь воздух из лёгких девушки. Под юбку больше не лез, просто гладил по ней сверху и ёрзал на Маше, тыкаясь носом в ее шею.

"Это вот ЭТО то, о чём с придыханием и закатыванием глаз рассказывали девочки? — думала она, пялясь в потолок. — Тяжело, неудобно, мокро, да и пахнет от того, кто на тебе лежит".

Ещё немного попыхтев и чуть на растерев Машу по постели, мачо встал, и довольно заявил:

— В следующий раз покажу французский поцелуй, с языком.

Вспоминая свой первый сексуальный опыт, сбилась с нот и чертыхнулась. Встала со стульчика и подошла к окну, где всюду набирало обороты лето.

Вон и Люська умотала на базу отдыха — лишаться девственности. Так и сказала:

— Маш, я убьюсь — но лишусь наконец этой опостылевшей мне девственности! Мне двадцать лет, двадцать! А я член только на картинках видела! И то, только потому, что кто-то в раздевалке в бассейне оставил порно-журнал!

Маша помнит, как Люська пришла к ней таинственно-загадочная в гости домой. Тогда они чинно попили чай в гостиной с родителями, с пряниками и земляничным вареньем, а потом Люська, сказав Машкиным папе-маме, что ей надо обсудить с Машей предстоящее выступление на конкурсе скрипачей, утащила её в комнату и подпёрла дверь стулом.

— Это чтобы не спалиться! — заявила она, лихорадочно роясь в сумке и доставая оттуда журнал, обмотанный газетой.

Отчаянно пунцовая, Люська осторожно развернула газету и первое, что бросилось Маше в глаза — как на лице у девушки что-то лежит. Точнее, прислонено к её лицу. Точнее... Да, какой-то шланг, который она держит губами.

Точнее, с одной стороны держит рукой, но где там начало — на обложке видно не было, а вот конец... какой-то странный... сам шланг был толстый, коричневый, бугристый, на конце какая-то шляпка, а в центре шляпки дырочка.

Глава 2

— Фу, Люська, это же поганка, — брезгливо сморщилась Маша. — Зачем она её в рот взяла? Да большая-то какая!

Люська захихикала, прикрывая рот ладошкой.

— Темнота ты, Машка! Это — ОН!

Маша недоумённо смотрела на подругу.

— Это пенис, — произнесла шёпотом подруга

Люське повезло больше: ее бабушка, академик, настояла на том, чтобы внучка изучала анатомию по умным книгам, и хотя бы на рисунках та знала, как выглядит член.

В остальном ее судьба повторяла судьбу Маши: семья строгого режима, только орудием пыток служила скрипка. И жених у неё был, которого тоже нашли родители — бухгалтер Игорь Петрович, пузатый тридцатилетний мужичка, живущий с бабушкой.

Работал Игорь Петрович в солидной фирме, получал хорошую зарплату, имел, в будущем, в наследство бабушкину двушку в кирпичном доме, в простонародье называемом "сталинкой".

Родители Люськи говорили, что Игорь Петрович — очень удачная партия, серьёзный и опытный мужчина. А Люська кривилась от отвращения и всеми правдами и неправдами оттягивала свадьбу.

Игорь Петрович, наконец, взбунтовался и потребовал от бабушки-академика уже наконец повлиять на его невесту. На семейном совете было решено, что молодые идут в ЗАГС подавать заявление, и свадьба была назначена на сентябрь месяц.

Люська, поывив пару дней у Машки на плече, решила на отчаянный поступок: лишиться девственности хоть где и хоть с кем, справедливо рассудив, что тогда Игорь Петрович не захочет на ней жениться.

И, наврав родителям и бабушке, что едет подработать в ансамбле, выступающем для пенсионеров в парке небольшого курортного городка, находящегося в сутках пути от их родного, умотала.

Папа, съездив туда и поговорив с администрацией Дома отдыха, убедился, что там всё серьёзно, что там действительно отдыхают пенсионеры и действительно — в ансамбль требуется скрипач.

Заверив менеджера по персоналу, что его дочь — лучшая скрипачка города и заплатив ему энное количество денежек, попросил Виктора Андреевича присмотреть за его Люсечкой. Чтобы Люсечка не наделала глупостей перед свадьбой с уважаемым человеком.

— Добро пожаловать, Люсечка, в наш дружный коллектив, — усмехнулся тогда Виктор, закидывая две купюры в ящик стола.

Но это будет позже, а тогда Маша, замирая от шока, осторожно листала старый журнал, где во всей красе вздымались и дымились "поганки" во всех ракурсах.

И не только вздымались, но и, полностью или частично, находились между ног у женщин, которые без стеснения смотрели на Машу со страниц журнала и будто бы говорили: "Эх, Маша-Маша".

— А это что за мешочки, вот тут, — она тогда пальчиком, не прикасаясь к странице журнала, показала на одну фотографию, где огромных размеров мужские яйца прижимались к женским ягодицам.

— Это "мошонка", — с важным видом объясняла подруга. — Она нужна для того, чтобы женщина смогла забеременеть. Там содержатся будущие детки — сперматозоиды.

— А где... он... его же нет, — не понимала Маша, глядя на фотографию, на которой напрочь отсутствовал член. Мошонка есть — а "поганки" нет. Зато девушка на фотографии была с открытым ртом и закатившимися глазами.

И очень, очень широко расставленными ногами, да ещё и вверх задрала.

Маша тогда чуть не вскипела — так жарко ей стало от бесстыдных фотографий, и что-то неизвестное творилось с ее телом.

Точнее, что-то неизвестное с ее телом творилось и раньше, когда видела на улицах, как парень обнимает девушку и прижимает ее к себе. А она жмётся, жмётся, а потом тянет губки и мужчина ее целует.

Но в тот раз по ее телу гулял озноб, а между ног что-то дико пульсировало, и безбожно намокали трусы.

— А ОН — внутри! — горячо шептала Люська, кося глазами на дверь, подпёртую стулом.

— Да как он вошёл туда?! — не понимала девушка. — Он же вон какой — огромный! Это же больно, наверное?!

— А ты думаешь, как будущие детки в нас попадают? За ручку их приводят? — объясняла грамотная Люська. — Вот так — ЕГО туда засовывают, и вбрызгивают в нас.

У Маши глаза съезжались в кучу и разъезжались обратно, когда она представляла сей процесс.

— Чем вбрызгивают? — пыталась подругу.

— Ну... вот этого я не знаю, — призналась тогда смущённая скрипачка, — в книжке было написано, что надо им подвигать туда-сюда, и всё вбрызнется само.

Маша тяжело вздохнула. Люське бабушка-академик, втихаря от родителей дала почитать детскую книжку о том, как появляются дети, а ей и этого не давали.

И вот сейчас Маша стояла у окна, и как-то сами собой всплывали в памяти те развратные фотографии с журнала и по телу снова прошла волна тепла и немного запульсировало между ног.

Впервые в жизни она, повинувшись безотчётному порыву, распустила свои блёклые, как сама считала, рыжеватые волосы из строгого пучка и они волнами радостно заструились по спине.

Расстегнув две верхних пуговицы белой, в зелёный горошек рубашки, в которой она пришла на занятия, девушка случайно, опуская руки от воротника, задела свою, без преувеличения, выдающуюся грудь.

Соски неожиданно отзывались неприятными, почти болезненными ощущениями.

— Машенька, — раздался старческий голос учителя Сильвестра Никодимовича, — вы почему не музицируете? У вас ответственный конкурс! — грозил он корявым пальцем, стоя в дверях.

— Я музицирую! — огрызнулась, отчаянно мечтая бросить всё ко всем матерям, и, как Люська, рвануть подальше отсюда.

— Я расскажу всё вашей матушке! — дребезжал Сильвестр Никодимович. — У нас на кону региональный конкурс! Потом всероссийский, а потом, может, международный! А вы очень безответственно относитесь!

Тяжело вздохнув и тряхнув копной волос, девушка вернулась за фортепиано и, поставив руки на клавиши, мрачно выдавила:

— Я музицирую!

И на весь кабинет грянул Чижик-пыжик. Учитель, взбрыкнув козликом, ещё раз погрозил пальцем и выскочил из зала.

— Родителям нажалуется, — тоскливо произнесла она, небрежно захлопывая крышку инструмента.

На что тот отозвался возмущённым гулом.

— Да иди ты! Ты всю жизнь у меня отнял! Деревяшка бесчувственная! — пнула его по ножке.

Инструмент обиженно молчал.

Глава 3

Маша стояла у окна, и в её груди поднималась волна гнева. На родителей, благодаря которым она не знает элементарных вещей. Вон, даже Люська что-то знает, а она — вообще ничего!

Ей уже девятнадцать, девятнадцать лет! А она даже не целовалась, за ручку не держалась, и вообще — даже в компаниях никогда время не проводила!

И здесь, в музыкальном училище, все её попытки завести друзей, влиться в какую-то компанию, разбивались в пыль из-за бабушки и ее старинного друга Сильвестра Никодимовича, которые пасли ее на каждом шагу, только что за ручку не водили.

Бабушка вообще учудила: ходила по училищу и чуть не каждому говорила: я бабушка Машеньки Никоноровой, не обижайте её, пожалуйста, она у нас девочка хорошая.

Результат превзошёл все ожидания — всех как дустом потравили, от Маши стали шараться, как от прокажённой.

— Ненавижу! Как я вас всех ненавижу! — глотала она свои горькие слёзы, стоя у окна и шмыгая носом. — Как вы меня-то сделать умудрились, не иначе — помутнение было у папеньки и маменьки! — зло шептала Маша, жалея себя и ненавидя за то, что так говорит о родителях.

Конечно, они желали ей добра, но перегнули со своей заботой. И как донести до них это — Маша не знала, все попытки поговорить с родителями приводили к тому, что мама хваталась за сердце и ей вызывали скорую.

Папа переставал, в наказание и назидание, как он говорил, на три дня общаться с дочерью, а бабушка ходила со строго поджатыми губами и всем своим видом выказывала, как она свою внучку осуждает.

Когда жалость к себе достигла апогея, Маша, схватила дипломат (она ходит с дипломатом! Папы! Когда он был студентом!) и со всей дури запустила им в дверь.

— Мать твою?! — услышала приглушённое и какой-то грохот.

Выпрямившись и сдув с лица прядь, она увидела, что в дверях кто-то поднимается с пола, держась одной рукой за дверной косяк, а вторую убирая от головы.

— Всё? — поинтересовался у неё этот... этот... "Боже, кто это?" — пронеслось в голове у Маши и даже слёзы высохли от изумления.

В дверях стоял блондинистый, совершенно, неприлично развратный тип! И это в таком учебном заведении?!

Маша замерла. Сердце сначала пропустило удар, а потом заколотилось где-то в горле, как обезумевшее.

«Господи, кто это?» — пронеслось в голове, но мысль споткнулась и рассыпалась, потому что взгляд сам собой скользнул по широким плечам, обтянутым тканью, по сильным рукам, по лицу с резкими скулами и наглыми глазами.

Она таких никогда вживую не видела — только на картинках, да и то не верила, что так бывает.

И вдруг низ живота странно, остро потянуло. От неожиданности Маша даже вздрогнула, чувствуя, как к щекам прилила жгучая краска.

«Что это?.. Нет, не может быть, я... я же просто смотрела...»

Стыд обжёг изнутри, такой сильный, что захотелось провалиться сквозь пол. Она растерянно опустила глаза, потом снова подняла и снова застыла, как кролик перед удавом, не в силах отвести взгляд от этого невозможного, неприличного, но до боли притягательного лица.

— Ау? — пощёлкало это нечто у неё перед носом пальцами, когда подошло поближе. — Снаряды, говорю, все закончились? Если нет — то я лучше за дверью подожду, — произнесло оно, вышибая из Маши дух своим голосом.

Оно имело роста высокого, пшеничного цвета волосы были небрежно зачёсаны наверх и спускались почти до плеч.

Не по погоде лёгкая белая футболка с коротю-ю-у-усенькими рукавчиками, не скрывавшими его мощные бицепсы, была расстёгнута до середины груди, показывая краешек татуировки и витую серебристую цепочку.

В левом ухе мерцал камешек серёжки, а руки... руки были покрыты замысловатыми татуировками. Маша никогда не видела такого и заворуженно смотрела на это энэло.

Чувственные, зовущие губы и ямочка на подбородке добились Машу и она непроизвольно облизнула губы.

— Барышня! — раздалось откуда-то из далека. — А где я могу увидеть Сильвестра Никодимовича?

Маша изумлённо воззрилась на источник звука в целом, точнее — на его губы.

"Господи! — взмолилась, — ну пусть они ещё разок пошевелиятся!" — и поднесла руку к горлу, делая попытку вдохнуть хотя бы глоток воздуха.

— Сильсистра Никотиновича?! — хрипло пробасила она и удивилась. — А вы его ученик? — брови Марии пошли в самостоятельное путешествие.

— Хуже, — улыбнулось энэло, — я — его правнук. Михаил. Для вас можно просто Миша.

— Правнук? — эхом повторила Маша.

— Да, приехал на недельку, хотел бы поведать старика.

— А... а его нет! Он...он уехал! Да. Будет завтра вечером. Да, в шесть часов, — врала напропалую Маша, сама пока ещё смутно понимая, за какой избушкой ей это сдалось.

— Вот как? — бровь энэло красиво изогнулась уголком наверх. — Хм, странно, я звонил ему вчера, он ничего не говорил, — протянул он задумчиво, сканируя девушку глазами и облокотился плечом о дверной косяк.

— А он срочно уехал! Вот буквально час назад, в соседнюю область! — продолжала заливать Марья, даже не краснея, как она думала.

— Завтра, говорите, — взгляд парня прошёлся по Машиной фигуре, зацепился на двух расстёгнутых пуговках на груди и остановился на глазах.

Маша утвердительно кивнула, пытаясь застегнуть злосчастные пуговицы.

— Ну что же, — хищно улыбнулось энэло Миша, — тогда, я заеду завтра. До встречи... кстати, а как вас зовут?

— Маша, — прозвучало на автомате.

— До встречи. М-маша, — энэло зачесало пятернёй чёлку наверх, подмигнуло и вышло из аудитории, аккуратно прикрыв за собой дверь с той стороны.

Маша ещё несколько секунд постояла без дыхания, гипнотизируя дверь, а потом шумно вдохнула и выдохнула.

— Правнук? Скрипичного Ключа? Вот ЭТО?? — шептала она, не в силах сложить увиденное и услышанное воедино. «Прабабушка на том свете перевернулась бы раз пять, если бы увидела, на кого я сейчас так бесстыдно пялилась», — пронеслось где-то на задворках сознания.

Спине было жарко под волосами, между ног было подозрительно мокро, ладошки были влажными и дрожали. Как, в принципе, и вся Маша: снутри и снаружи.

«Ну вот, — подумала она обречённо, — я теперь как кисель в банке, которую трясут — только без банки».

Но если потные ладошки она обтёрла прямо об юбку (Боже, что сказала бы мама?!), то с мокрыми трусиками было сложнее.

— Я что?! Описалась?! — в ужасе прошептала, ёрзая бёдрами.

Стыд смешался с паникой, и где-то в глубине души мелькнула недоумённая мысль: «Неужели от одного взгляда на красивого мужчину у девушки может случиться такое... безобразие?»

Схватив дипломат и впихнув в него как попало ноты, выскочила за двери и, прикрывая попу дипломатом, маленькими шажочками засеменила в туалет.

В другое время она бы гордилась такой походкой — прямо как у благородной леди в корсете. Но сейчас корсет был только в голове, да и тот трещал.

Забежав в него, залетела в кабинку, закрылась и швырнула чемодан в угол. Подняв уродскую юбку и стянув трусики, уставилась на ластовицу.

Преодолевая брезгливость, помазала пальчиком по странной прозрачной тягучей жидкости и поднесла, зажмурившись, к носу. Странно. Она точно не описалась, но тогда ЧТО это?!

«Не клей же, в конце концов!» — в отчаянии подумала Маша.

Маша была близка к обмороку, но тут в её мозгу, как в калейдоскопе, замелькали картинки из того самого журнала.

Она тогда ещё обратила внимание на какие-то жидкости между ног у девушек, но спросить подружку постеснялась, чтобы уж совсем деревней не выглядеть.

«Вот и достеснялась — теперь сижу, анализирую собственную физиологию в училищном туалете», — мысленно простонала она. А теперь вот... нечто похожее...

Отмотав половину рулона туалетной бумаги, принялась яростно оттирать трусы, кроша бумагу в пыль. Результат её работы уже напоминал художественную инсталляцию на тему «Крушение надежд и рулончика».

Пару минут спустя Маша задумчиво смотрела на свои трусики. В ЭТОМ идти домой не вариант. Трусики были покрыты плотным слоем свалявшейся бумаги. Что делать?

Посидев на унитазе ещё минут пять и погоревав о своей судьбе, она успела пожалеть себя, страну и весь род Скрипичных Ключей за компанию, после чего решительно запихнула трусы в дипломат и вышла из туалета.

Глубоко вдохнула, медленно выдохнула и двинулась на выход из училища, с каждым шагом становясь всё увереннее.

Сначала ей казалось, что всем понятно, что она, хорошая девочка, лауреат различных конкурсов, подопечная самого Скрипичного Ключа, идёт без трусов.

«Вот он, главный позор моей музыкальной карьеры, — подумала Маша. — Не фальшивая нота на конкурсе, а это: трусы в дипломате, а сама — под бризом».

Но дойдя до дверей, ведущих на улицу, уже привыкла к странному ощущению там, под юбкой, и успокоилась.

Выйдя на улицу, Маша чуть не задохнулась: уже по-летнему тёплый игривый ветерок внезапно залетел под юбку и прошёлся шаловливо у неё между ног, облизнув половые губки.

«Господи, какой разврат! — ахнула она про себя. — И это в будний день, на глазах у прохожих! Если бы кто сказал, что ветер может быть таким... неприличным...»

Замерев от шокирующих ощущений, она вцепилась в юбку, боясь, что та поднимется от порыва ветра и все увидят её позор. И так, не отпуская юбки, мелкими шажками шла к остановке.

Одна.

Без бабушки.

Бабушка сидела в кабинете Сильвестра Никодимовича и ждала Машу, которая должна была ещё заниматься три часа.

Глава 4

Выйдя из зала, где его чуть не зашибла каким-то чемоданом рыжая, Миша треснул себя по лбу шлемом. Он настолько офигел, увидев такую курочку в ученицах своего пра, что смог узнать только имя.

На номер телефона мозгов уже не хватило — они медленно, но верно утекали в ширинку его кожаных штанов.

Такая цыпа — обалдеть.

Роскошные рыжие локоны горели, обрамляя её розовое от смущения личико, и так руки зачесались повернуть их на кулак и притянуть голову близко-близко к себе, что он только силой воли удержал их при себе.

В другом случае он бы уже натягивал такую красотку на свой член во всех позах. Но тут, было очевидно, так нельзя. Видно, что хорошая, правильная девочка — не даст. Такие только "после свадьбы".

А ему и так хватало разных женских тел, и необходимости ставить штамп в паспорте он не испытывал категорически. Не даст эта — даст другая.

Поправив восставший было член, он замер... в конце коридора шёл его пра под руку с какой-то благообразной бабулей...

— Нихренасе, девки пляшут, по четыре штуки в ряд, — обалдевшие прошептал Миша сам себе и юркнул за квадратную колонну.

Зачем? Да хрен его знает, но что-то подсказывало, что не стоит ему сейчас показываться.

— Аннушка, Машенька ещё просидит три часа, а не пойти ли нам по чайку? — слышался голос прадеда.

— Пожалуй, друг мой Сильвестр, — отвечала ему благообразная матрона.

— И я хочу пожаловаться на Машеньку, она не готовится должным образом! Не далее, как полчаса тому назад, она из вредности заиграла Чижику-Пыжика! Аннушка, это моветон! — дребезжал фальцетом его обожаемый пра.

— Друг мой, не волнуйся, я передам своей дочери, вечером родители с ней поговорят. Очень серьёзно, смею тебя заверить, — отвечал женский голос, удаляясь.

Не успел Миша подумать о том, зачем ему этот рыжий курёнок наврал на счёт прадеда, как дверь зала отворилась и оттуда, прикрывая попу дипломатом, озираясь по сторонам, вышла рыжуха.

Проследив взглядом, куда направилась девушка, усмехнулся:

— Протекла.

Дождавшись, когда стихнут голоса и скроется девушка, широким шагом направился из музыкалки на улицу, где его поджидал верный железный друг.

Сел на свой байк и, сделав пару нужных звонков, договорился о встречах, не переставая думать о странном курёнке.

Он уже собирался надеть шлем и уехать, как с удивлением обнаружил эту рыжую курочку, выходящую из дверей училища.

— А как же три часа? — недоумённо протянул, облакачиваясь руками на руль и следя за ней взглядом.

Его член, только-только угомонившийся, снова восстал и требовал дать ему сладкое.

Маша же, вцепившись в юбку, семенила к остановке, полыхая, как кумач.

— Зачем же ты мне наврала, курочка? И почему сбежала? — задумчиво потирал он подбородок, глядя, как девушка заходит в автобус.

То, что курёнок ему наврал — сомнений не было, слишком уж она полыхала, когда заливала ему про прадеда — её личико было в цвет волос.

Затем он решительно направился обратно в училище. Своего пра, как он и ожидал, обнаружил в том самом зале, где его чуть не зашибла Машенька.

— Это возмутительно! Анна Георгиевна, я отказываюсь работать в таких условиях! Это неслыханно: у нас конкурс, — тряс указательным пальцем гневно прадед, — а Мария Петровна где? Где, я вас спрашиваю?!

— Сильвестр, дорогой, ну успокойся, ну может случилось что? — увещевала его Анна Георгиевна, являвшаяся по совместительству бабушкой Маши.

— Ну так позвони ей, Аннушка! — потребовал пра. — Позвони и выясни!

Аннушка замялась и сцепила руки в замок.

— Аннушка! Не сиди сиднем, я тебя умоляю, звони Маше, вдруг и правда что случилось, — продолжал наседавать Сильвестр Никодимович.

— Сильвестр, голубчик, у Машеньки нет телефона, ей не позвонить никак.

У Сильвестра Никодимовича даже лысина попыталась встать дыбом от таких слов.

— Анна... ты в своём уме? Как в наш век не иметь телефон?!

— Ну ты сам подумай — зачем он ей? Она по вечерам не шляется, как все эти вертихвостки. С ней всегда или я, или дочь, или Петруша. А телефоны — это зло, там столько всего такого можно найти, — зашептала, округляя глаза и страшно им вращая.

— Анна! Вы доиграетесь! Вы так зажали бедную девочку, что она может... может... сотворить что-то страшное!

— Ну голубчик, ну что ты такое говоришь? Машенька очень благоразумная девочка, к глупостям не приучена. Я уверена — Машенька уже едет домой. Может, живот заболел? И я поеду, пора мне, дружок.

И, махнув ридикулем, бабусенция плавно поплыла по коридору.

— Пра! Здравствуй! — вышел Миша из-за двери, переждав бурные объяснения, и распахнул руки, заключая прадеда в объятия и отрывая его от пола.

— Мишенька! Внушок, приехал! Не забыл своего прадеда! — Сильвестр Никодимович полностью утонул в объятиях правнука, радостно болтая старческими ногами в воздухе.

— Да ты что, как же я забуду: ты же мой любимый дед! — звонко поцеловал Миша своего пра в щёку. — Я так понимаю, у тебя ученица сбежала? Тогда, если у тебя на сегодня всё — предлагаю поехать к моим на дачу, они по тебе скучают.

— Мишенька, я и так завтра с утра еду к своему внуку — твоему отцу, мы уже договорились с ним и Ниночкой — они ждут меня. А ты что? Ты приедешь? — прадед с надеждой заглядывал в глаза правнуку.

— Обязательно, дед! Только я послезавтра приеду, ладно? Но обязательно! А сейчас мне пора, хорошо?

Крепко обняв напоследок своего пра, он покинул храм искусств и, сев на свой байк, помчал по делам, думая о завтрашнем дне.

Утром Миша проснулся со стояком и образом курочки перед глазами, которую он драл во сне, намотав таки рыжую шевелюру на кулак.

— Здравствуй, утро стоящее, — удивлённо воззрился он на свой член. Член радостно воззрился в ответ. — Давненько я не просыпался со стояком, — почесал он затылок и побрёл в душ.

Спустив там напряжение, обтёрся, хлебнул чашку бодрящего кофе с парой бутербродов и посмотрел на часы.

— Успею ещё по делам сгонять, а потом, курёнок, держись! — спланировал он свой день и вышел из дома.

Миша был решительно настроен разобраться с этой рыжей курочкой и без десяти пять вечера уже открывал дверь того самого зала.

— Ну здравствуй, Маша, радость наша. А где прадед? Он уже здесь? — спросил он у девушки, что с круглыми глазами сидела за фортепьяно, вцепившись в его крышку. Интересно, как выкручиваться будет...

Глава 5

— Здравствуй... те, — просипела Маша, отчаянно пытаясь справиться с волнением.

Она смотрела на красивое энэло и костерила себя, на чём свет стоит: зачем вчера наврала?! Что теперь делать?

Мысли лихорадочно метались в её головёшке, пытаясь найти достойный выход из ситуации, прямо скажем — некрасивой.

А ещё — ей отчаянно хотелось плакать. Вчера родители устроили ей головомойку за самовольный уход с музыкальных занятий. Мама, как обычно, хваталась за сердце, папа демонстративно игнорировал, а бабушка была ходячим немым укором.

Маша проплакала всю ночь, забылась только под утро и сейчас и выглядела, и чувствовала себя помятой и какой-то пожёванной.

Утром она, в знак протеста, отказалась убирать волосы в так надоевший ей строгий пучок. Настолько строгий, что по вечерам у неё иногда болела кожа головы, когда расчёсывала волосы перед сном.

Поэтому сегодня, своей дерзостью снова довела маму до "инфаркта", папа с ней и так не разговаривал, а бабушка... ну что бабушка... главное, чтобы ту не перекосило от своего собственного же кислого выражения лица.

Маша заплела свободную косу, надела укороченную, аж до середины икры юбку, которую сама ночью на эмоциях отрезала и на руках подшила, и, демонстративно крутясь перед зеркалом, не застегнула две верхних пуговицы на своей рубашке.

Вытащив из обшарпанного чемодана свои ноты, запихнула их в пластиковый пакет, чем довела свою семью до тихой истерики, пинком открыла дверь и вышла, громко захлопнув.

— Ничего, переживёте, — шептала, сбегая с шестого этажа по ступенькам.

Сегодня Маша взяла с собой, на всякий случай, запасные трусы. Знала бы она, что про запас надо было брать не это... но если бы знал, где упасть — соломки бы подстелил.

К зданию родной альма-матер она подходила уже на негнущихся дрожащих ногах, в ушах гулко ухало сердце, а ручки пакета неприятно резали по взмокшим ладошкам.

"Ну хоть трусы сухие, и то хорошо", — подумала она, заходя внутрь здания. О, милая — лиха беда — начало!

Как на плаху брела она в зал для занятий, зная что Сильвестра сегодня не будет, а его правнук придёт. И вот что с ним делать?

— Надо признаться, ну не убьёт же он меня, в самом деле. Скажу — перепутала, не так поняла... — бормотала, раскладывая ноты на пюпитр пианино.

Ноты падали и никак не хотели вставать ровно. Или хотя бы просто вставать, не падая. Ну хоть бы как-то уже встали! Чёртовы ноты!

— Ну здравствуй, Маша, радость наша. А где прадед? Он уже здесь? — раздалось внезапно.

Испуганно вздрогнув и подняв глаза на голос, она увидела Мишу, стоящего в дверях и хищно смотревшего на неё.

— Здравствуй... те, — просипела, вставая со стульчика. — Знаете, Миша... Его нет. Сильвестра Никодимовича нет. Я вчера невольно... случайно... ввела вас в заблуждение. Его нет и уже не будет, — тараторила она, опустив глаза и отчаянно краснея.

— Хм. Какая досада, — Миша закрыл дверь на ключ, который, по обыкновению, торчал замочной скважине, и положил его в задний карман джинсов.

Маша вскинула взгляд на звук ключа и сглотнула.

"Всё, час расплаты настал", — удручённо подумала она, но тут же возмутилась:

— А зачем вы дверь закрыли?! Немедленно откройте!

— А зачем ты, маленькая врушка, обманула меня вчера? — Миша медленно подходил к небольшой камерной сцене, на которой расположились пианино и курёнок.

— Я случайно. Я не хотела, правда, — оправдывалась девушка, отступая так, чтобы между ней и правнуком оказался большой, красивый и полированный инструмент.

Миша, мягко ступая, двигался вперёд, не сводя глаз с девушки. Чем-то она манила его. Юные девушки у него были и есть. Девственницы тоже были — ничего особенного он в них не обнаружил — небольшое препятствие, только и всего.

Но этот курёнок возбуждал не по-детски. Он шумно втянул воздух носом и прикрыл глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.